

БОКАДОРОВА Н. Ю.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОЛОГИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Знание истории науки о языке составляет необходимую часть научного мировоззрения лингвиста; без этого языковед не в состоянии критически оценить собственные научные построения, теории, принципы и методы. В лучшем случае лингвист, чуждый глубинного понимания процессов развития своей науки, может работать в пределах уже созданной ранее, достаточно узко специализированной в предметном и методологическом плане школы или направления.

Представление об историчности рамок и задач современной науки может быть адекватным лишь в свете понимания диалектики развития знания о языке. В этой области необходимы специальные исследования, в которых были бы собраны и освещены с позиций теории развития науки наиболее значительные системы и традиции прошлого, осмыслены типологии этих систем, а также изучены основные закономерности смены и преемственности научных систем. Иными словами, необходима теория развития науки о языке. Несомненно, что эта теория может быть создана лишь на базе адекватного «прочтения» и осмысления истории языкознания. Речь идет о текстах прошлого, содержащих сведения о языке. Именно изучение текстов дает возможность судить о создании научных традиций, школ, течений и направлений на основе близости идей, систем и структур знания, единства методов и принципов описания языка, преемственности или перерыва в развитии, «исконности» или «производности» традиций и т. д. Для подобного освоения текстов прошлого необходимы высокая филологическая культура, понимание места и роли того или иного сочинения в общей системе текстов и в идеологической структуре той или иной эпохи.

История языкознания имеет дело с памятниками филологической мысли, с лингвистическим наследием. И если реальный историко-лингвистический процесс есть не что иное, как форма развития знания о языке, то историко-лингвистическое исследование — это осмысление этого процесса. Такое исследование предполагает не только реальное знание лингвистического наследия, но и определенной «философии» науки и ее развития: «...история науки смыкается с дисциплиной, уже существующей в литературе по общей истории и получившей название *историологии*. Если оставить термин *историография науки* для описания событий и анализа их причин, то *историологией науки* следует назвать анализ проблемы генезиса науки, ее предмета и метода, общих принципов, периодизации, всего того, что выходит за пределы отдельных периодов и эпох, берет весь исторический процесс развития науки в целом. Эта дисциплина соединяет гносеологию с историографическим анализом эпох, периодов, отраслей, национальных школ, создания и развития центров науки» [1].

До сих пор история языкознания существовала в основном как историография лингвистики. Она мало занималась разработкой собственного понятийного строя и концептуального аппарата, методами и принципами историографического исследования. Более того, наука о языке уделяла слишком мало внимания вопросам возможностей и перспектив развития знания о языке. Эти вопросы ставились лишь попутно, в связи с решением прикладных задач.

Науке о языке в настоящее время необходимо самопознание. Вместе с тем вопросы самопознания лингвистики ставятся языковедами чаще всего в аспекте исследования границ и возможностей отдельных методов и принципов описания языка, но отнюдь не в плане оценки границ и воз-

возможностей науки о языке в целом в связи с существующей предметной структурой и общей логикой лингвистического исследования. «Увидеть» же во всем объеме строение науки о языке и существующие в пределах определенных методов и принципов возможности познания явлений языка можно лишь в исторической перспективе, Теория и история отдельных проблем, методов, принципов и понятий науки о языке диалектически едины и неразрывно связаны друг с другом. В их единстве осуществляется единство «исторического и логического» в процессе познания, о котором писали классики марксизма. Как отмечал Ф. Энгельс, логический метод «...в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [2].

Под влиянием идей Ф. де Соссюра [3] у лингвистов сложился стереотип противопоставления системно-структурного анализа, принципиально связанного с синхронией, и анализа асистемного как исследования диахронных, разновременных (а потому — не входящих в единую систему) фактов. И хотя в отношении истории языка как лингвистической дисциплины давно известно, что она может строиться как атомистически-диахронно (как история отдельных языковых элементов и форм), так и системно-синхронно (как изучение истории языка по «периодам», по «синхронным срезам»), в течение которых язык оставался «тождественным самому себе» как единая структура), представление об истории науки о языке как о явлении асистемном превалировало в трудах лингвистов. Возможно, это было связано с тем, что большинство из них занималось вопросами истории своей науки лишь в аспекте истории их узких специализаций и истории отдельных вопросов, методов и понятий. Историков науки о языке, которые пытались бы осмыслить проблемы традиций, периодов, структур знания о языке, было весьма немного. Вместе с тем лишь при наличии подобных исследований можно ставить вопрос об адекватности прочтения и интерпретации текстов прошлого: «Перед современными гуманитарными науками очень остро вырисовывается проблема соотношения диахронии и синхронии... Сочетание этих двух разных аспектов сопряжено с немалыми методологическими трудностями. Однако хотелось бы подчеркнуть, что синхронное исследование социально-культурной системы не противоречит историческому подходу, а, скорее, его дополняет» [4, с. 22].

Как это ни парадоксально, лингвисты до сих пор практически не занимались проблемой интерпретации научных текстов прошлого вообще и собственно языковедческих текстов в частности. А ведь эта проблема является основной лингво-филологической проблемой истории науки. Она во многом сближается с традиционными проблемами критики и интерпретации текстов, смыкается с вопросами текстологии и вспомогательных исторических дисциплин. Современный историк науки должен быть «чрезвычайно чуток ко всем особенностям текста прошлого. Его профессиональной интуиции претит та прямая возможность модернизации, которая заложена уже в простом переводе старого текста на современный лексикон с целью сделать прошлое „созвучным“, доступным, понятным нашему современнику» [5, с. 106].

Для адекватного прочтения текстов прошлого нужны «словарь» и «грамматика» соответствующей эпохи. «Словарь» научного текста — это, в первую очередь, набор понятий и терминов, применявшихся в эпоху создания текста (сюда включаются и понятия, которые могли быть заимствованы автором научного сочинения из прошлого, и собственно авторские, объясняемые из контекста термины). «Грамматика» научного текста — это, прежде всего, система связей между элементами научного знания, стоящая за данным текстом, или структура знания. Как правило, при чтении текстов прошлого, особенно текстов отдаленных эпох, указанные «словарь» и «грамматика» практически не могут быть до конца эксплицированы, хотя элементы экспликации системы знания встречаются и в научных традициях древнего мира, и в европейской традиции. Собственно европейская научная традиция началась с эпохи создания энциклопедических курсов «семи свободных искусств», в которых определенным образом систематизировались научные знания античности. Пользуясь предложе-

ными выше понятиями «словаря» и «грамматики» научных текстов, можно сказать, что первые европейские «энциклопедии» Бозация, Капеллы, Исидора, Робана Мавра и Викентия из Бовэ уже содержали оба указанных «ключа» интерпретации научных текстов.

Одной из важных проблем историологии европейской науки до XVIII в. является проблема неразграниченности понятий «наука» и «искусство» [6, 7]. Без ее понимания весьма сложно разграничить понятия «грамматическое искусство» и «грамматическая наука» в языкознании XVIII в. [6, 7]. Средневековое смешение «науки» и «искусства» было в основном связано с господством общего принципа «традиционализма» знания [8], не противопоставлявшего эмпирическое наблюдение фактов отдельных языков овладению объектом при помощи ряда правил и приемов. Например, в грамматике канонического средневекового «тривия» количество и определение частей речи и их «акциденций» дается априорно, без ссылки на наблюдения над составом частей речи и грамматических категорий и часто даже намеренно вопреки таким наблюдениям (ср., например, сознательное «приписывание» категории рода и падежа всем языкам без исключения [9]). Этот принцип можно критиковать с позиций современного состояния грамматической мысли, но сама по себе такая критика практически ничего не дает для истории науки о языке, т. к. приписывает прошлому не существовавшие тогда категории. Гораздо интереснее для современного историка языкознания постараться постигнуть «синкретическую» позицию средневекового грамматиста, понять ее значение и эффективность в свете задач общественно-языковой практики изучаемой эпохи. Здесь историки языкознания могут опереться на интересный опыт работ Д. С. Лихачева [10], М. И. Стеблина-Каменского [11], С. С. Аверинцева [12], где литература прошлого исследуется как живая литературная практика, «рабочие установки» которой реконструируются из самих литературных памятников [12, с. 3].

Восстановить, реконструировать стоящую за текстами о языке систему лингвистического знания, постигнуть ее структуру, далеко не всегда столь уж ясную и очевидную даже самим авторам исследуемой эпохи, — задача для историка языкознания не только привлекательная, но и насущная. Можно сказать, что методы системно-структурного анализа лингвистического наследия являются в настоящее время наиболее эффективными, что показало применение этих методов в работах по истории философии и литературы.

Находить в «логическом» «историческое» и в «историческом» «логическое» — один из основных диалектических принципов марксистской методологии, к которому стихийно приходят многие историки и теоретики науки. Ж. Пиаже подчеркивает, что современная «эпистемология» как «изучение перехода от меньшего знания к большему» включает диалектическую коллизию, «двойную невозможность: ни изучать генезис, пользуясь генетическим и историко-критическим анализом без постоянной ссылки на структуру, ни изучать и формализовать структуру без ссылки на историко-критические и генетические прогнозы» [13].

Сходные или очень близкие по набору понятийных и даже терминологических элементов системы могут в корне различаться с позиций структур этих систем. Отношения, связывающие элементы системы в единое целое, которые мы именуем с т р у к т у р о й (следуя определению Э. Бенвениста [14]), могут быть различными для лингвистических систем одной эпохи. Но с точки зрения истории языкознания наиболее существенные различия между эпохами в развитии знания о языке относятся именно к структурам систем, а не к самим элементам.

Принцип структурирования знания о языке в различные исторические эпохи тесно связан не только с представлениями о языке, его природе, строении и употреблении, но и с общеполитической точкой зрения на природу наук и искусств и принципы их классификации. Очень многое зависит и от традиции выделения тех или иных областей знания, и от отношения к этой традиции. Принципы структурирования знания в европейской традиции до конца XVI в. (а в ареале византийско-пра-

вославленной учености — до XVIII в.) практически не изменялись с эпохи раннего средневековья. Раннеевропейская редакция античного знания состояла, в первую очередь, во введении принципа семи «свободных искусств»: «Грамматика глаголет, диалектика истине учит, риторика украшает, мусика поёт, арифметика числит, геометрия мерит, астрология звездучит», — писал Николай Спафарий [15, с. 25]. В основе любого занятия в области наук и искусств должна была лежать «грамотность», достигаемая лишь изучением грамматики («грамматика есть иным художествам самое основание»); затем следует требование красоты и убедительности речей («риторика есть художество яже учит слово украшати и увещевати») и, наконец, требование истинности рассуждения («диалектика яже и логика нарицается... есть художество любопреия», служащее тому, чтобы «ложь от истины разделяти») [15, с. 29—33]. Подобное структурирование знания о языке основано на представлении о структуре собственно языковой деятельности человека.

Помимо интереса к языковому употреблению в широком смысле, знание о языке с древности предполагало интерес к природе языка и его строению. Это знание содержалось в основном в грамматике и в той области философии, которая существует с древности и занимается размышлениями о происхождении и природе языка как неотъемлемой и необходимой способности человека. Принципы анализа строя языка по уровням его структуры подсказаны самой природой языка. С нею связано и иерархическое строение самого предмета грамматики, включавшего с античности учение о звуковой стороне языков (фонетика, изучавшая звуки и буквы, слоги и просодию), учение о словах как частях речи и их грамматических категориях (акциденциях) и синтаксис [16].

Принцип структурирования языковедческих дисциплин по уровням лингвистического анализа проявляет наибольшую стабильность и устойчивость в лингвистических учениях различных эпох. Это — своеобразная «константа» структурирования знания о языке, которая уточняется лишь в деталях, в методах и методиках [ср., например, введение наряду с «этическим» принципом структурирования лингвистических уровней, доступных непосредственному физическому наблюдению (уровень звука, слога, морфа, слова, словосочетания, предложения), уровней «идеальных», абстрактных, «инвариантных», «эмических» — фонемы, морфемы, лексемы, структурных схем словосочетания и предложения] [17]. Что же касается принципов структурирования знания о языке, связанного с философскими представлениями о принципах классификации наук и искусств, то они обнаруживают большую историческую изменчивость. Взаимодействие логико-философских представлений о предмете и структуре знания о языке и закономерностей развития литературно-письменной культуры создает для каждой эпохи свое представление о предмете и задачах науки о языке.

Становление и развитие (начиная с XIX в.) особой научной дисциплины — лингвистики, пытающейся сконцентрировать в себе все области изучения языка, как возникшие лишь в XIX в. (например, сравнительное и историческое языкознание), так и существовавшие ранее (например, изучение языка как знаковой системы, исследование коммуникативных свойств языка и т. п.), привело к усложнению предметной структуры науки о языке. Она не только «втягивала» в свой круг возникшие ранее филологические дисциплины, но и широко взаимодействовала с постоянно рождавшимися в процессе общей дифференциации наук новыми дисциплинами. «Аналитические» тенденции структурирования предмета науки тесно взаимодействовали с тенденциями «синтетическими» [18] не только в области языкознания, но и в общем процессе развития науки за последние полтора столетия. Диалектика развития науки о языке рано или поздно приводила (и приводит) к отрицанию существовавших до начала XIX в. дисциплин, таких, как риторика [19], «общая грамматика» [6], логика как наука о языке [20] и т. д. Но все же генетическим «ядром» лингвистики (как специфического феномена знания о языке последних полутора веков) остается грамматика, хотя необходимо под-

черкнуть, что грамматика как часть лингвистики совсем не то же самое, что грамматика как часть средневекового «тривия» или грамматика в XVIII в. (см. об этом подробнее в [6, 7]). Современную грамматику и ее проблемы в целом невозможно понять без понимания процессов генезиса и судеб развития основных ее понятий и категорий. Непонимание диалектики развития этой области знания о языке приводит лингвистов к исторически необоснованной и диалектически ложной критике основных грамматических понятий и терминов, к созданию более адекватных формально, но подчас «мертвых» грамматических систем и классификаций.

Отождествляя структуру современной лингвистики с предметом науки о языке вообще, многие языковеды полагают, что «подлинная» наука о языке возникла (или возникает) лишь в настоящее время, т. к. в прошлом рождался не весь комплекс лингвистических проблем, а лишь отдельные фрагменты этого комплекса, разбросанные по разным наукам и искусствам или составлявшие часть философии [21]. Безусловно, если считать «лингвистикой» лишь современное ее состояние, то бесмысленно искать абсолютно сходное с ним состояние (а значит — и «науку о языке») в прошлом. Но тогда неизбежен и вывод о том, что и современная лингвистика через некоторое время отойдет к разряду «донаучных» состояний, что в конечном счете приводит к заключению о том, что она никогда не станет наукой. Подобная антидиалектическая точка зрения, отрицающая качественное развитие (включая «скачкообразное») предмета и структуры знания о языке, является по сути антиисторической, позитивистской. Обедняя сам процесс лингвистического мышления, замыкая его в неподвижные рамки существующей предметной структуры, отрывая от возможностей широких исторических ассоциаций и диалектического развертывания, данная позиция сводит изучение истории языкознания лишь к атомистическому исследованию генезиса современных понятий, терминов, проблем и методов науки о языке.

Смена структур знания подчиняется общим законам диалектики, в частности, закону развития по спирали. Но применение законов диалектики к материалу истории языкознания — процедура не тривиальная, требующая от исследователя глубокого знания всего материала дисциплин, связанных со словом, основных идей, методов и принципов описания и исследования языков в тот или иной период, знания контекста эпохи и владения общими и частными методами историографического исследования применительно к материалу лингвистических учений. Задача историка языкознания, стоящего на марксистских позициях, заключается в том, чтобы, исходя из общей теории развития (принципов марксистской диалектики), вскрыть закономерности, специфическим образом характеризующие развитие знания о языке.

История языкознания нередко представляется как вереница несоместимых друг с другом учений, как калейдоскоп подходов, методов, принципов и понятий описания языка. Движение науки о языке кажется многим буржуазным историкам науки случайным, ненаправленным, хаотичным процессом смены «парадигм» и «эпистем» [22]. Следует, однако, иметь в виду, что развитие — «интегральный» процесс, единство многообразия процессов» [23]. Для полноценного изучения развития знания о языке необходима полнота представлений о всех перечисленных выше компонентах развития применительно к знанию о языке.

В истории культуры и науки структурные отношения между элементами системы знания не исчезают бесследно; они остаются, либо отойдя на второй план, либо переродившись, переходя в иное качество в новой системе. Спиралеобразное развитие науки, в том числе и языкознания, приводит к диалектическому «возрождению» старых систем и структур на новом «витке спирали» и в новом качестве. Это возрождение старых структур, тем не менее, имеет столь очевидные черты сходства с прошлым, что нередко наводит на мысль о том, что все те или иные идеи не новы. Подлинно диалектическое отношение к истории позволит ученым отказаться как от этого заблуждения, так и от заблуждения, состоящего в том,

что подлинная наука не нуждается в истории, а важна лишь «пригодность» и «эффективность» создаваемой теории.

Думается, не будет преувеличением сказать, что в процессе изучения истории науки ученые проходят школу научного мышления, расширяют его возможности и границы. Обращаясь к изучению древнерусской литературы, акад. Д. С. Лихачев подчеркивает: «Многое, что кажется присущим литературе как таковой, на самом деле имеет свое начало и свой конец в литературном развитии. В сферу изменчивости литературы оказываются втянутыми такие явления, которые казались неподвижными и „вечными“» [10, с. 3]. То же и в науке, а отсюда и в научной литературе, в частности — в литературе о языке. То, что кажется неотъемлемым свойством науки о языке в одну эпоху, может быть необязательным для другой.

Для того, чтобы по-настоящему осмыслить прошлое науки о языке, необходимы углубленные, систематические исследования в этой области. Только в результате профессиональных занятий историей языкознания может быть выработан специальный «язык», удобный для решения задач этой области науки. В случае отсутствия такого «языка», т. е. специального понятийного строя и концептуального аппарата истории языкознания, ученые неизбежно будут «интерпретировать культуру прошлого, наивно перенося на нее понятия современности» [24].

Современное науковедение и история науки настаивают не просто на «диалоге» прошлого и настоящего, не на «переводе» понятий и теорий прошлого на язык современной науки, а на том, чтобы «изучая текст, реконструировать и описать особенность зафиксированного в нем знания» [5, с. 107—108]. Но разработку методов реконструкции знания прошлого тормозит неразвитость историологического аспекта теории познания. Это заставляет историков науки утверждать, что в настоящее время «гносеология в большом долгу перед историей науки» [5, с. 108]. Так, на наш взгляд, нельзя не упрекнуть философов в слишком общей постановке проблемы соотношений «знания» и «науки» в теории познания. Эта проблема до сих пор решалась лишь «логически», во многом умозрительно, без обращения к сложным историческим коллизиям, сопровождавшим развитие этих феноменов духовной и практической деятельности человечества. Между тем для истории языкознания принципиальную важность имеет ответ на вопрос о том, когда знание о языке стало наукой.

Термины «история языкознания», «история лингвистических учений», «историография лингвистики» могут рассматриваться как синонимы, но могут именоваться и различные по объему и охвату материала области изучения развития знания о языке. Так, история лингвистики вполне может строиться как история определенного этапа в развитии знания о языке, как изучение специфического феномена «лингвистики». В истории лингвистических учений преимущественное внимание обращается на концептуальную целостность представлений о языке, что приводит к естественной группировке материала исследования и описания вокруг отдельных традиций, школ, учений и направлений [25, 26]. Что же касается истории языкознания (языкознание здесь понимается в широком смысле, а не только как определенный исторический феномен знания о языке, например, лингвистика), то ей на современном этапе этой проблемы обойтись не удастся. Волюнтаристическую концепцию, согласно которой все, относящееся к знанию о языке до начала XIX в., должно быть изложено кратко и схематично, тогда как основное внимание следует уделять лишь изучению методов и принципов научного языкознания (т. е. феномена лингвистики), на сегодня нельзя признать удовлетворительной [6]. Для того чтобы решить на современном уровне вопрос о «научном» периоде в развитии языкознания, необходимо исследовать генезис основных свойств современного научно-лингвистического мышления, определить его основные понятия и категории (например, понятия «историзма» и «развития» в языкознании [27]).

Теория историко-лингвистического процесса может быть создана лишь в случае преодоления «модерноцентристского» взгляда на развитие зна-

ния о языке, характерного для историографии науки вообще, когда «ценится то, что было когда-то более или менее так, как теперь, и оставляется без внимания или даже отвергается то, что было тогда иначе» [28, с. 26]. Преодоление «модерноцентризма» связано с преодолением «европоцентризма» в историографии лингвистики, когда все более внимательно изучаются не только неевропейские языковедческие традиции, но и делаются попытки моделирования и осмысления основных категорий знания о языке в этих традициях «путем сопоставления и оценки всего материала — и западного и восточного» [28, с. 27]. Это позволяет подойти к осмыслению историко-лингвистического процесса во всем объеме.

В истории науки о языке мы обычно ищем и особо выделяем область «эмпирического обобщения» фактов языка. Именно эта черта знания о языке, в отличие от философии языка, представляется историкам языковедения особенно важной. Ученые следуют, зачастую не отдавая себе в этом отчета, сложившемуся в последние полтора столетия представлению о том, что «научные факты составляют главное содержание научного знания и научной работы. Это тот основной фонд науки, научных фактов, их классификаций и эмпирических обобщений, который по своей достоверности не может вызывать сомнений и резко отличается науку от философии и религии. Ни философия, ни религия таких фактов и обобщений не создают» [29].

В языкознании последних полутора веков можно наблюдать настоятельно повторяющиеся тенденции сведения науки о языке лишь к наблюдению различных языковых фактов и их обобщению с позиций определенных методов: сравнительно-исторического, типологического, метода внутренней реконструкции, методов дистрибутивного анализа, анализа по «непосредственно составляющим» и ряда других процедурных методов. В XIX в. даже раздавались весьма авторитетные голоса сторонников естественно-научной природы языкознания, стремившихся резко противопоставить естественно-научную, эмпирическую линию развития науки о языке различным социально обусловленным институтам письменнолитературной культуры (обучение языкам, практика применения искусств речи и т. п.). В начале XX в. среди лингвистов было широко распространено мнение о «ненаучности» так называемой «школьной грамматики» [30]. Действительно, в истории познания языка можно выделить целый ряд направлений мысли, которые нельзя признать «чистой наукой» в указанном выше смысле. Область эмпирических обобщений фактов отдельных языков далеко не всегда превалировала над методами, отличными от методов прямого наблюдения. В истории познания языка выделяются целые эпохи, когда превалировали философская, этическая и эстетическая линии, которые формировали «лингвистическое мировоззрение», определявшее характер речевой культуры в широком смысле. Исключить из истории языкознания (особенно до начала XIX в.) указанные области означает не только обеднить, но и исказить картину развития знания о языке, включая и собственно научное знание.

Историология науки о языке должна стать методологическим ориентиром истории языкознания, являющейся, равно как и история других наук, «не столько независимой наукой, сколько результатом саморефлексии науки» [31].

Даже самый общий план развертывания исследований в области историологии науки о языке наглядно показывает, что здесь не обойтись без современного научного синтеза философско-методологических проблем науки вообще, вопросов лингвистического науковедения и истории языкознания, исследований в области истории словесной культуры вообще и литературно-письменной культуры в частности [32]. Этот синтез необходимо осуществлять на диалектико-материалистической базе изучения конкретных форм историко-лингвистического процесса. В этой связи приобретают особую важность те штудии в области истории языкознания, которые нацелены на системный анализ традиций, школ и направлений с учетом структуры знания о языке [25, 26]. Именно такие исследования могут составить надежную эмпирическую базу для историологии языко-

знания, для создания современной теории¹ историко-лингвистического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Б. Г. Идеалы современной науки. М., 1983, с. 18.
2. Энгельс Ф. — Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497. — Рец. на кн.: Маркс К. К критике политической экономии. Первый выпуск. Берлин, 1859.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
5. Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. М., 1982.
6. Бокаторова Н. Ю. «Общая грамматика» XVIII в. и современное общее языкознание. — ИАН СЛЯ, 1982, № 2.
7. Бокаторова Н. Ю. «Грамматика» и «литература» в концепции французских энциклопедистов. — ИАН СЛЯ, 1985, № 1.
8. Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981, с. 3—11.
9. Padley G. A. Grammatical theory in Western Europe 1500—1700. The Latin tradition. Cambridge, 1976.
10. Лизачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967.
11. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
12. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
13. Piaget J. L'épistémologie et ses variétés. — In: Logique et connaissance scientifique. Paris, 1967, p. 7.
14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 60—66.
15. Спафарий Николай. Эстетические трактаты. Л., 1978.
16. Античные теории языка и стиля. М. — Л., 1936.
17. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 218—220.
18. Jacob A. Genèse de la pensée linguistique. Paris, 1973.
19. Безменова Н. А. Краткая история французской риторики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1985.
20. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. М., 1982.
21. Bugarski R. The object of linguistics in historical perspective. — In: History of linguistic thought and contemporary linguistics. Berlin—New-York, 1976.
22. Бокаторова Н. Ю. О «парадигматическом» и «эпистемологическом» направлениях в зарубежной историографии и лингвистике. — В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. VIII. М., 1978.
23. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983, с. 200.
24. Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1975, с. 397.
25. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
26. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
27. Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л., 1984.
28. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
29. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М., 1977, с. 77.
30. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. М., 1925.
31. Aitoux S. L'histoire de la linguistique. — Langue française, 1980, 48, p. 14.
32. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979.